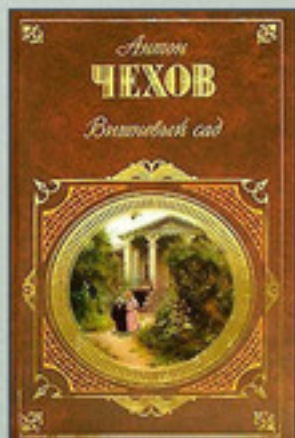

Антон Чехов

На большой дороге

Часть сборника
Вишневый сад (сборник)

АНТОН ЧЕХОВ
На большой дороге

«Public Domain»

1884

Чехов А. П.

На большой дороге / А. П. Чехов — «Public Domain», 1884

«Сцена представляет собой кабак Тихона. Направо прилавок и полки с бутылками. В глубине дверь, ведущая наружу. Над нею снаружи висит красный засаленный фонарик. Пол и скамьи, стоящие у стен, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многие, за неимением места, спят сидя. Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром и в дверь видна молния...»

Содержание

Явление I	6
Явление II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

На большой дороге

(драматический этюд в одном действии)

Действующие лица

Тихон Евстигнеев, содержатель кабака на большой дороге.

Семен Сергеевич **Борцов**, разорившийся помещик.

Марья Егоровна, его жена.

Савва, старик-странник.

Назаровна

Ефимовна

Федя, прохожий фабричный.

Егор **Мерик**, бродяга.

Кузьма, проезжий.

Почтальон.

Кучер **Борцовой**.

Богомольцы, гуртовщики, проезжие и проч.

Действие происходит в одной из южнорусских губерний.

Сцена представляет собой кабак Тихона. Направо прилавок и полки с бутылками. В глубине дверь, ведущая наружу. Над нею снаружи висит красный засаленный фонарик. Пол и скамьи, стоящие у стен, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многие, за неимением места, спят сидя. Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром и в дверь видна молния.

Явление I

За прилавком Тихон. На одной из скамей, развалиясь, полулежит Федя и тихо наигрывает на гармонийке. Около него сидит Борцов, одетый в поношенное летнее платье. На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна.

Ефимовна (*Назаровне*). Потолкай-ка, мать, старца! Словно, никак, богу душу отдает.

Назаровна (*поднимая с лица Саввы край сермяги*). Божий человек, а божий человек! Жив ты аль уж помер?

Савва. Зачем помер? Жив, матушка. (*Приподнимаясь на локоть.*) Укрой-ка мне, убогонькая, ноги! Вот так. Правую больше. Вот так, матушка. Дай бог здоровья.

Назаровна (*прикрывая Савве ноги*). Спи, батюшка.

Савва. Какой уж тут сон? Было б терпенье муку эту перенести, а спанья, матушка, хоть и не надо. Не достоин грешник покой иметь. Это что шумит, богомолочка?

Назаровна. Грозу бог посылает. Ветер воеет, а дождик так и хлещет, так и хлещет. По крыше и в стекла словно горошком дробненьким. Чуешь? Разверзлись хляби небесные.

Гром.

Свят, свят, свят...

Федя. И гремит, и гудит, и шумит, и... конца краю нет! Гууу... словно лес шумит... Гууу... Ветер как собака воеет... (*Ежится.*) Холодно! Одежда мокрая, хоть возьми да выжми, двери настезь... (*Тихо наигрывает.*) Размокла моя гармония, православные, никакой музыки нет, а то бы я вам такую концерту отшпандорил, что держись шапка! Великолепно! Кадрель ежели, или польку, положим... или какой русский куплетец... всё это мы можем. В городе, когда в коридорных при гранд-отеле состоял, денег не нажил, а в рассуждении гармонии все ноты превзошел. И на гитаре умею.

Голос из угла. Дурак, дурацкие и речи.

Федя. От дурака слышу.

Пауза

Назаровна (*Савве*). Тебе бы, старик, таперича в тепле полежать, ножку-то погреть.

Пауза

Старик! Человек божий! (*Толкает Савву.*) Ай помирать собираешься?

Федя. Ты бы, дедусь, водочки выпил. Ты выпьешь, а оно в животе погорит, погорит, да от сердца и оттянет малость. Выпей-ка!

Назаровна. Не бахвальничай, парень! Старик, может, душу богу отдает да о грехах кается, а ты слова такие, да с гармонией... Брось музыку-то! Глаза бесстыжие!

Федя. А ты чего к нему пристала? Ему невмочь, а ты... бабьи глупости... Он из праведности не может тебе грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что он тебя, дуру, слушает... Спи, дедусь, не слушай! Пушай болтает, а ты наплюй. Бабий язык – чертово помело, выметет из дому хитреца и мудреца. Наплюй... (*Всплескивает руками.*) Да и худой же ты, братец ты мой! Страсть! Чисто как ни на есть мертвый шкилет! Никакой живности! Ай и впрямь помираешь?

Савва. Зачем помирать? Избави, господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а там и поднимусь с божьей помощью... Не попустит мать божия в чужой земле помереть... Помру дома...

Федя. Издалече сам?

Савва. Вологодский. Из самой Вологды... мещанин тамошний...

Федя. А где это Вологда?

Тихон. За Москвой... Губерния...

Федя. Тю, тю, тю... Занесло же тебя, борода! И все пешком?

Савва. Пешком, паренек. Был у Тихона Задонского, а иду в Святые горы... Из Святых гор, коли на то воля господня, в Одест... Оттуда, сказывают, в Ерусалим задешево отправляют. Будто за двадцать один рупь...

Федя. А в Москве был?

Савва. Эва! разов пять...

Федя. Хороший город? *(Закуривает.)* Стоящий?

Савва. Святынь много, парень... Где святынь много, там везде хорошо...

Борцов *(подходит к прилавку и Тихону).* Еще раз прошу! Дай Христа ради!

Федя. Главное в городе, чтоб чистота была... Ежели пыль – поливать, ежели грязь – чистить. Чтоб дома высокие были... театр, полиция... извозчики, которые... Сам жил в городах, понимаю.

Борцов. Рюмочку... вот эту маленькую. В долг ведь! Отдам!

Тихон. Ладно.

Борцов. Ну прошу! Сделай милость!

Тихон. Ступай!

Борцов. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, невежа, если в твоей деревянной, мужицкой голове есть хоть капля мозга, не я прошу, нутро, выражаясь по-твоему, по-мужицкому, просит! Болезнь моя просит! Пойми!

Тихон. Нечего нам понимать... Отходи!

Борцов. Ведь если я не выпью сейчас, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступление совершить. Я бог знает что могу сделать! Видал ты, хам, на своем кабацком веку много пьяного люда, и неужели же ты до сих пор не сумел уяснить себе, что это за люди? Это больные! На цепь их сажай, бей, режь, а водки дай! Ну, покорнейше прошу! Сделай милость! Унижаюсь! Боже мой, как я унижаюсь!

Тихон. Деньги давай, тогда и водка будет.

Борцов. Где же мне взять денег? Все пропито! Все дотла! Что же я могу тебе дать? Пальто вот только одно осталось, но дать тебе его я не могу... Оно на голом теле. Хочешь шапку? *(Снимает шапку и подает ее Тихону.)*

Тихон *(осматривает шапку).* Гм... Шапка шапке рознь... Дыр, словно в решете.

Федя *(смеется).* Дворянская! По улице в ней ходить да перед мамзелями снимать. Здрасте, прощайте! Как поживаете?

Тихон *(отдает Борцову шапку).* И даром не надо. Навоз.

Борцов. Не нравится? В таком случае дай в долг! Буду обратно идти из города, занесу тебе твой пятак! Подавись тогда этим пятаком! Подавись! Пусть он у тебя поперек горла станет! *(Кашляет.)* Ненавижу!

Тихон *(стуча кулаком о прилавок).* Чего пристал? Какой-такой ты человек? Что за жулик? Зачем пришел?

Борцов. Выпить хочу! Не я хочу, болезнь моя хочет! Пойми!

Тихон. Не выводите меня из моего терпения! Живо в степи будешь!

Борцов. Что же мне делать? *(Отходит от прилавка.)* Что же делать? *(Задумывается.)*

Ефимовна. Это тебя нечистый мутит. Ты плюнь, барин. Он тебе, окаянный, шепчет: выпей! выпей! А ты ему: не выпью! не выпью! Отстанет!

Федя. В башке-то небось – тру-ту-ту-ту... Животы подвело! (*Хохочет.*) Блажной ты, ваше благородие! Ложись-ка спи! Нечего пугалом посередь кабака торчать! Не огород нашел!

Борцов (*со злобой*). Молчи! Тебя не спрашивают, осел!

Федя. Ты говори, говори, да не заговаривайся! Видали мы таких! Много вас таких здесь по большой дороге шатается! В отношении осла, как звездану тебя по уху, так взвоешь пуще ветра. Сам осел! Дрянь!

Пауза

Сволочь!

Назаровна. Старец, может, молитву творит и душу богу отдает, а они, нечестивцы, друг дружку задирают да слова разные... Срамники!

Федя. А ты, кочерыжка, коли в кабак попала, не хныкай! В кабаке и кабацкий обычай.

Борцов. Как же мне быть? Что делать? Как мне дать ему понять? Какое же еще нужно красноречие? (*Тихону.*) Кровь запекалась в груди! Дядя Тихон! (*Плачет.*) Дядя Тихон!

Савва (*стонет*). Стреляет в ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Ефимовна. Что, батюшка?

Савва. Кто это плачет?

Ефимовна. Барин.

Савва. Попроси барина, пушай и за меня слезу прольет, чтоб довелось в Вологде помереть. Слезная молитва угодней.

Борцов. Не молюсь я, дед! Не слезы это! Сок! Сдавило мою душу и сок течет. (*Садится у ног Саввы.*) Сок! Впрочем, не понять вам! Не понять, дед, твоему темному разуму. Темные вы люди!

Савва. Где ж светлых-то взять?

Борцов. Есть, дед, светлые... Они бы поняли!

Савва. Есть, есть, родимый... Святые светлые были... Они всякое горе понимали... Ты им и не говори, а они поймут... В глаза тебе взглянут – поймут... И такое тебе утешение после их понятия, словно и горя не было – рукой снимет!

Федя. А ты нешто видал святых?

Савва. Случалось, паренек... На земле всякого народу много. Есть и грешники, есть и божьи слуги.

Борцов. Ничего не понимаю... (*Быстро поднимается.*) Разговоры нужно понимать, а разве у меня теперь есть разум? У меня есть инстинкт, жажда! (*Быстро подходит к прилавку.*) Тихон, возьми пальто! Понимаешь? (*Хочет снять пальто.*) Пальто...

Тихон. А под пальтом что? (*Смотрит Борцову под пальто.*) Голое тело? Не снимай, не возьму... Не стану я брать греха на душу.

Входит Мерик.

Явление II

Те же и Мерик.

Борцов. Хорошо, я грех беру на себя! Согласен?

Мерик (*молча снимает сермягу и остается в поддевке. За поясом топор*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.